

валялись во дворах дворца, Собрание издало распоряжение об избрании для Парижа новой департаментской директории, которую оно думало противопоставить Коммуне. Коммуна отказалась исполнить это приказание, и Собранию пришлось уступить; но борьба продолжалась - глухая борьба, в которой жирондисты то пытались вооружить секции против Коммуны, то добивались роспуска Генерального совета Коммуны, избранного революционным путем в ночь 9 августа, - жалкие интриги перед лицом неприятеля, который с каждым днем все ближе подходил к Парижу, предаваясь по пути отчаянному грабежу.

24 августа в Париже получилось известие о том, что город Лонгви сдался без боя, и дерзость роялистов еще более возросла. Они торжествовали победу. Они ожидали, что другие города последуют примеру Лонгви, и уже предсказывали, что их немецкие союзники вступят в Париж через неделю. Заранее для них готовили помещения. Роялисты устраивали сборища вокруг Тампля, а королевская семья вместе с ними приветствовала победы немцев. Но ужаснее всего было то, что люди, взявшие на себя управление Францией, не имели сил предпринять что бы то ни было, чтобы помешать сдаче Парижа вслед за сдачей Лонгви. Комиссия двенадцати, которая должна была составлять ядро действия в Собрании, впала в уныние; а жирондистское министерство - Ролан, Клавьер, Серван и другие - предлагало *бежать*. Их план был удалиться в Блуа или куда-нибудь еще дальше на юг, предоставив революционный народ Парижа ярости австрийцев, герцога Брауншвейгского и эмигрантов. «Депутаты убегали один за другим», - говорит Олар¹. Коммуна даже обратилась в Собрание с жалобой на это бегство. К измене теперь прибавлялась трусость, и из всех министров один Дантон, которого народ провозгласил министром юстиции после взятия Тюильри, выразил решительный протест против удаления властей из Парижа.

Только революционные секции и Коммуна прекрасно поняли, что победа *должна* быть одержана во что бы то ни стало, что для этого нужно нанести удар одновременно неприятелю на границах и контрреволюционерам в Париже.

Но именно этого-то правители республики не хотели допустить. Суд, собравшийся с большой торжественностью, чтобы судить виновников избиения 10 августа, по-видимому, так же мало торопился покарать их, как и орлеанское верховное судилище, ставшее, даже по выражению жирондиста Бриссо, «опорой заговорщиков». Вначале суд принес в жертву трех или четырех невидных соучастников Людовика XVI, но затем он оправдал одного из самых главных заговорщиков, бывшего министра Монморена, а также Досонвиля, замешанного в заговоре д'Ангремона, и не решался судить генерала Бахмана, командира швейцарцев. С этой стороны, следовательно, ждать было нечего.

Роялисты изображают парижский народ, как какое-то сборище людоедов, жаждущих крови и впадающих в ярость, как только какая-нибудь жертва ускользнет от них. Между тем это совершенно неверно. Не жертв нужно было народу; а из этих оправдательных приговоров он понял, что правители страны не *хотят* разоблачать происходившие в Тюильри заговоры, потому что в этом оказались бы замешанными многие из них самих; и *еще потому, что эти заговоры продолжались*. Марат, хорошо осведомленный на этот счет, совершенно справедливо говорил, что Собрание боится народа и что оно ничего не имело бы против того, чтобы Лафайет явился со своим войском и восстановил королевскую власть.

Это подтвердилось всем тем, что стало известным три месяца спустя, когда слесарь Гамен открыл секрет железного шкафа Людовика XVI, в котором король хранил свои тайные документы. Главной опорой королевской власти было само Законодательное собрание.

Но когда парижский народ увидел, что установить степень виновности того или другого из заговорщиков-монархистов невозможно, а между тем заговоры продолжают и становятся чрезвычайно опасными ввиду немецкого нашествия, в умах населения сложилась мысль покарать без различия всех тех, кто занимал доверенные должности при дворе и кого секции считали опасными или у кого окажется спрятанное оружие. С этой целью секции вынудили у Коммуны, а последняя - у Дантона, занимавшего со времени восстания 10 августа пост министра юстиции, решение устроить массовые обыски по всему Парижу для розыска оружия, спрятанного у роялистов и священников, и для ареста тех, на кого всего сильнее падет подозрение в измене и соглашении с неприятелем. Собранию пришлось подчиниться, и оно издало распоряжение о таких обысках по всей Франции.

Обыски в Париже произошли в ночь с 29 на 30, причем Коммуна проявила энергию, а народ -

¹ Aulard A. Etudes et leçons sur la Révolution (Paris, 1898, 2 série, p. 49).